

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРБСКИЙ (ВЕЛИМИРОВИЧ)

Война и БИБЛИЯ

Святитель Николай Сербский **(Велимирович)** **Война и Библия**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69175651

Война и Библия / Святитель Николай Сербский (Велимирович),

Пер. с серб. С. П. Фонова; общ. ред. И. М. Числова: Сибирская

Благовозвонница; Москва; 2023

ISBN 978-5-00127-355-4

Аннотация

Сочинение «Война и Библия» (1932 г.) свт. Николая Сербского (Велимировича), написанное между двумя Мировыми войнами, посвящено отношению христианства к войне. Святитель Николай говорит о том, что исход каждой войны решает Бог и что все древние и современные войны можно понять и объяснить лишь в свете Библии. Размышляя о причинах войн вообще, автор пишет: «...война человека с человеком – это плод войны человека с Богом». Свт. Николай приходит к выводу о том, что поражение в войне есть результат греха и отступления народа, властителей и военачальников от Бога, благочестие же и добрая нравственность всех вышеперечисленных приводят к победам и миру. Данное сочинение свт. Николая (Велимировича) будет полезным для самого широкого круга православных читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вводная беседа	9
1. Вавилон в опасности	9
2. Дискуссия о войне за ужином	15
I	22
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Святитель Николай Сербский (Велимирович) Война и Библия

Святитель Николай Сербский (Велимирович)

Перевод с сербского Сергея Фонова

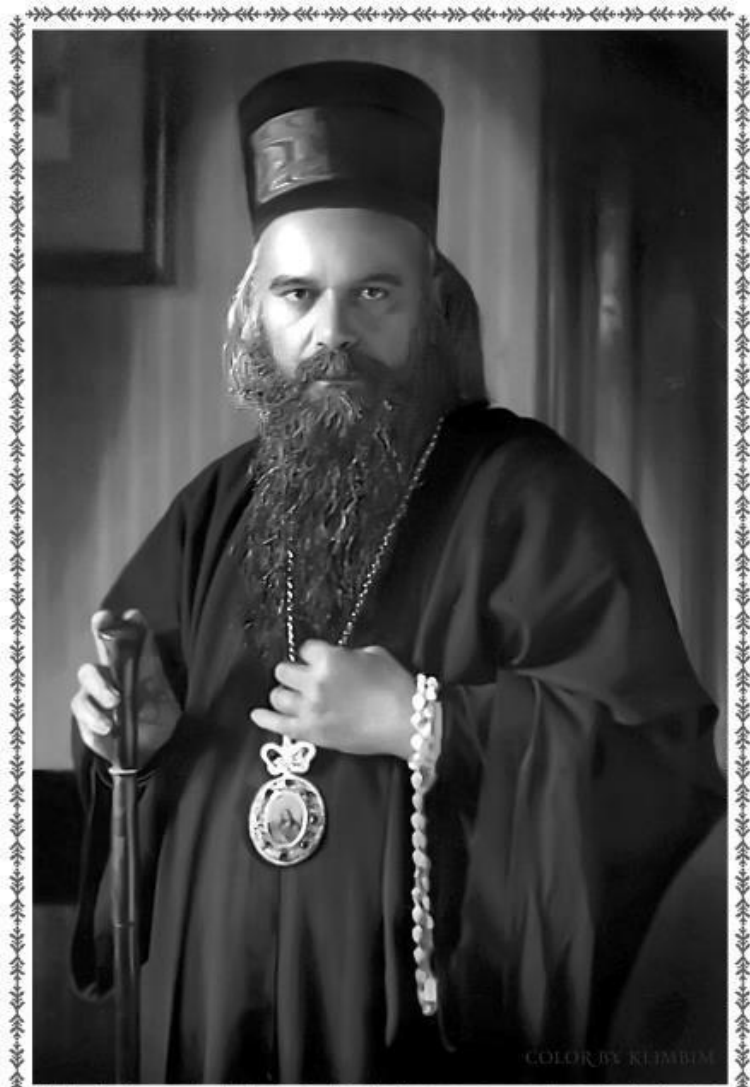
*Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви*
ИСП21-126-3377

Книга печатается по: Святитель Николай Сербский (Велимирович). Творения: Библия и война/Пер. С. П. Фонова; общ. ред. И. М. Числова. М.: «Паломник», «Омофор», 2016.

© Сибирская Благовонница, 2022

COLOR BY KJMBIM

В 1927 году в американском городке Уильямстаун представители многих земных рас и народов собрались на конференцию, на которой с человеколюбивой заботой велась дискуссия о возможности мира среди людей. Им, своим дорогим друзьям, посвящает автор, в ту пору их сотрудник, эту книгу о войне в свете Священного Божия Писания, — книгу, на которую во время затишья будут смотреть с равнодушием, но в годину военных потрясений станут искать и читать с пониманием.

Вводная беседа

1. Вавилон в опасности

Солнце клонилось к закату, когда мы оказались на палубе судна «Бостон», осуществлявшего морское сообщение между Нью-Йорком и Бостоном. Грязная и маслянистая вода Нью-Йоркского залива, днем под жаркими солнечными лучами блиставшая, подобно серебру, в вечернем мареве переливалась, точно расплавленное золото. Пароход плыл от Нижнего к Верхнему городу, между Нью-Йорком и Бруклином, а наше общество сидело, обернувшись лицами к Нью-Йорку.

Перед нами лежал самый крупный на земном шаре город, самый торопливый, наиболее освещенный и предельно разобщенный. Взоры всех пассажиров – как иностранцев, так и местных уроженцев – были невольно прикованы к многочисленным башням, гордо и неуклюже нареченных небоскребами.

– Взгляните на наши вавилонские башни! – сказал мне министр Юстон.

– Смотрю на них, – ответил я, – но неужто и Вы на них взираете? Ведь Вы уже столько раз здесь путешествовали и обращали на них свой взгляд?

– Это привлекает всегда и везде... Да и естественно чему-то великому неизменно пленять людские души – как в прошлом, так и в будущем.

– Да, да, Вы хорошо сказали, – поддержал [его] генерал Кларк. – Невольники великих свершений, [когда] писали и хроники бытия народов на самом деле – вплоть до сего дня – обрисовывали только биографии выдающихся личностей, этих своеобразных «небоскребов» [общества].

– Значит, генерал, демократия здесь ничего не меняет? – поинтересовался я.

– Ничего, [ровным счетом] ничего. Теоретически демократия пыталась славу великого человека разделить на множество его сподвижников, но на практике достигла лишь того, что более тщательно высчитала и измерила вклад людей, лишенных славы, в известность корифея. Однако при этом не умалила славы последнего и не увеличила славу первых. Дворцы остались дворцами, а хижины хижинами.

Г-н Крен, молча и сосредоточенно внимавший нашей беседе, обратился ко мне по имени и сказал:

– Посмотрите на эту группу новых башен – там, в Верхнем городе. Шесть лет тому назад, когда Вы были в Нью-Йорке, здесь не было даже их следа. А теперь! Выросло около сотни нововозведенных.

– В самом деле, – ответил я, – в самом деле, г-н Крен. Мне даже кажется, что они красивее и стройнее тех, что в Нижнем городе, не так ли?

– О, безусловно! В этих новых высотных зданиях мы, американцы, достигли своего оригинального стиля зодчества. Этого больше нет нигде на свете! А те старые башни, как-то: Вулворт, Сингер, Мьюнисипал – просто коробят взоры современного поколения.

Так говорил г-н Крен, наш отменный и любезный устроитель всего мероприятия. Благодаря ему мы и оказались в тот вечер на пароходе, плывущем в Бостон. Пригласил он нас к себе в гости, на «уикэнд», чтобы у него на ранчо провели мы воскресенье. Среди приглашенных был и г-н Юстон, бывший член кабинета министров Великого Президента, [а также] генерал Кларк, [затем] какой-то русский, знаменитый музыкант; [и] чех, г-н Писек, археолог, исследователь арабской старины; и еще, помимо меня, некий выходец с Балкан, и множество других лиц.

В этот момент, в последних лучах солнца, появилась стайка аэропланов, высоко кружащая над величественным Нью-Йорком.

– Вот, вот, вон они! Вон! Три, пять, десять! – слышались восклицания со всех сторон.

Министр Юстон, вздохнув, молвил вполголоса:

– Да, вот и опасность для нашего американского Вавилона!

– Подумать только, от этих громадных стальных черных «птиц» будет зависеть грядущая война! – громко заключил генерал.

– Да не поминайте Вы эту войну! – парировал миролюбивый г-н Крен, объехавший все пять континентов и вдесятеро большее количество островов. Повсюду видел он много добрых людей, способных жить в мире, и приобрел немало друзей.

Генерал ответил так:

– О войне упоминаю я, г-н Крен, не оттого, что ее люблю, а оттого, что она еще грянет.

Тогда спросил я:

– А разве Вы, генерал, не видите никакой другой цели и предназначения аэропланов, кроме как творить злодеяния?

– Да почти и не вижу. Аэропланы, правда способны выполнять и некоторые мелкие задачи мирного времени, но их главная и самая высокая цель – это война.

При этом опять-таки министр Юстон тихо и задумчиво молвил, как бы про себя:

– Оттуда, оттуда с воздуха грозит опасность этим нашим вавилонским башням!¹

– Почему же только нашим башням? – рявкнул генерал. – Не касается ли то же самое и европейского Вавилона, или – лучше сказать – вавилонской Европы?

– Касается, еще как касается, дорогой мой Кларк, – ответил министр. – Европа даже более созрела для войны, чем мы. Впрочем, сие можно отнести и ко всему миру. Неужто не

¹ Как не вспомнить события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, в контексте которых приводимые слова оказываются пророческими по сути? – *Примеч. ред.*

замечаете, что весь мир вновь стал вавилонской башней?

– Снова и снова говорю вам: не верю я в войну! – бросил им свою реплику г-н Крен.

– Не верим и мы, г-н Крен, – сказал чешский профессор, – однако война [часто] приходит и наперекор нашей вере или неверию в нее: приблизительно так, как наступает эпидемия гриппа.

– Как же так? – недоумевал г-н Крен. – Не думаете ли Вы, что [разгорается] она именно так... Совсем случайно.

– Не думаю, что совсем случайно, но полагаю, что вспыхнуть она может и без нашего на то изволения.

Г-н Крен повернулся ко мне и попросил высказать мое мнение, на что я ему отвечал:

– Действительно, мне кажется, что война может разгореться и без человеческой воли, но никак не без человеческой вины. Ведь по чистой случайности не происходят в мире и гораздо менее значительные события, а не то что война.

Пока углублялись мы в беседу на данную тему, живо интересовавшую всех присутствующих, на землю спустилась тьма, а аэропланы начали огненными следами в воздухе изображать рекламные лозунги крупных торговых домов Нью-Йорка, оповещая нас, в какой фирме что и за сколько можно купить.

– Вот, теперь посмотрите, – сказал мне генерал Кларк, – вот вам одно из мелких предназначений аэроплана. Писать на воздухе рекламы магазинов и фабрик, ха-ха-ха! Но [ведь]

это лишь незначительная и побочная их функция! А главное для них – война, как я [уже] сказал. Война!

Трубы возвестили время ужина, и пассажиры спустились с верхней палубы корабля в столовую.

2. Дискуссия о войне за ужином

– Я считаю, что война – это злой рок, – сказал г-н Писек, чешский профессор, когда мы уселись за стол. – Посмотрите, никто не хочет войны, даже генералы, но все к ней готовятся. Разве не налицо здесь некий фатум рода человеческого?

– Глупость, глупость, а не фатум! – ответил г-н Крен. – Если бы мы в Америке и в Европе были надлежаще образованы, [то] исчезла бы глупость, а вместе с ней – и этот фатализм. Народы в Великой Азии насмежаются над нашей воинственной культурой.

Здесь г-н Крен, чрезвычайно богатый забавными историями и анекдотами, собранными из личных впечатлений по всему миру, поведал, как в Бенаресе в Индии нанес он отдельный визит прославленному монаху, которого вся Индия считала святым человеком.

– Когда я ему представился американцем, – рассказывал г-н Крен, – монах сострадательно кивнул головой и, вздохнув, сказал: «О вы, американцы! О вы, европейцы! Как много страдали вы и как много еще будете страдать! Вся ваша так называемая «культура» свелась к борьбе за могущество, за превосходство. Этим ядом заражаются и наши молодые люди, которые едут к вам для получения образования. Никто из них не возвращается опьяненным любовью к вам, но все они – сознательно или даже не осознавая того – заводятся

вашими извращенными идеями о насилии «во имя права», что на самом деле означает не во имя права, а во имя силы. Как раз на днях были у меня здесь два индийских студента, учившиеся в Лондоне. Когда я спросил их: «Как [живут] наши братья² в Англии?» – оба они с гневом воскликнули: «Какие братья? Это наши заклятые враги, а не братья! Их культура – эгоизм и насилие. Настоящая культура – у нас в Индии. Мы обязаны бороться с ними и освободиться от них». – «Если вы станете бороться против них насилием, – возразил я им, – то чем тогда будете отличаться от них самих? И что пользы, если вы освободитесь от них совне, если вижу я, что вот – поработили они вас изнутри? С такой злобой о людях говорят не последователи добропорядочных учений Веданты, а поборники милитаристской европейской культуры. Наше освобождение от англичан, господа, – не есть величайшее благо; величайшее благо – это освобождение от самих себя. В этом смысл Веданты. Уехали вы в Европу как рабы телом, а возвратились сугубыми невольниками: и телом, и духом». – Окончив свой рассказ, старый монах снова вздохнул и повторил: «О вы, американцы! О вы, европейцы! Как много довелось вам выстрадать и как много еще придется страдать! Страдание неизбежно для всех, кто противится Дхарме³.

² Под «братьями» индуистский монах здесь понимает непосредственно англичан. – *Примеч. пер.*

³ Аналог безличного Абсолюта. В индуизме означает собственно «мораль», «нравоучение», «религиозное предписание», «совесть», «сущность», «веру» как царящий над хором некий вечный моральный кодекс, из которого каждый че-

В эту минуту в столовой раздалось оглушительное громы-
хание известного негритянского джаза.

– Только послушайте, – гневно вспыхнул г-н Крен – по-
слушайте, что это за музыка! Мелодии ли это людей просве-
щенных и миролюбивых или же [пляски] необузданных ди-
карей?

Министр Юстон словно почувствовал обиду в этих словах
[, будучи оскорблен в] своей национальной гордости, и ска-
зал Крену:

– Ну не надо так, мой друг. Какими бы американцами мы
ни были, мы все-таки просвещеннее и миролюбивее евро-
пейцев. Европа готовится к наступательной, захватнической
войне, а мы делаем приготовления к войне оборонительной.

– Избитая песня на старый мотив! – шепнул мне на ухо
г-н Крен.

– Позвольте, – продолжал министр, – мы обязаны быть го-
товы к обороне, если кто-то нападет на нас будь то с атланти-
ческого или с тихоокеанского побережья. Наша история не
ведает завоевательных войн. Начиная с президента Вашинг-
тона и вплоть до Вильсона Америка вела лишь оборонитель-
ные, а не захватнические войны. Я не допускаю ни того, что
война – это фатальность, как сказал профессор Писек, ни
того, что она – биологическая потребность во имя преслову-

людей почерпает свой нравственный долг (как личную дхарму), который обязан
неотвратимо исполнять. – *Примеч. пер.*

того возрождения нации, как утверждает француз Клемансо в одной из своих последних книг. Я говорю [лишь], что война – это дикость, навязываемая силой, а посему только [встречной] силой и можно ее отразить. Это всё.

– Все народы спешно готовятся к новой войне, дорогой мой Крен, – молвил генерал. – Неужели нам, американцам, спрятать, как страус, голову в песок и притворятся ничего не понимающими?

– Не говорите «все», Кларк, – ответил Крен. – Кто это «все»? Индия, Китай и Эфиопия к войне не готовятся – а ведь это больше половины человеческого рода. Европейцы же и мы – то есть меньшинство человечества, собственно его треть! – делаем к ней приготовления.

После это генерал обернулся к выходцу с Балкан и как бы в шутку спросил его:

– К кому принадлежите вы, балканцы: к миролюбивому большинству, о котором твердит г-н Крен, или к воинственному меньшинству?

[На это] балканец ему ответил:

– Мы принадлежим к тем, кто, ненавидя войну, тем не менее, к ней готовится.

– Именно такое положение и у нас, в Америке, – воскликнул министр Юстон. – Мы ненавидим войну, но готовимся к ней. Делаем это по необходимости, чтобы в критический момент защитить и отстоять нашу демократию от империалистических агрессоров.

Крен едко усмехнулся и процедил:

– Ратоборческое неистовство уравнивает всех, дорогой друг. Не помогает здесь ни демократия, ни автократия, ни монархия, ни республика, ни коммунизм. Сегодняшняя коммунистическая Россия так же спешно готовится к войне, как и английская и японская монархия, а равно и американская и французская республика. Но послушайте меня и вдумайтесь: мне кажется, что эта военная лихорадка в наше время нарочито охватила белую расу.

– В этом я полностью [согласен] с Креном, – молвил генерал. – Не было и нет ни серьезной политической теории, ни правящей партии, которая, в конечном счете, не стояла бы за войну или не поспособствовала ее вспышке. Доселе ни одна политическая доктрина не смогла снять завесу с той ужасной мистерии в человеческой жизни, что называется войной. Ни политики, ни государственные деятели, ни солдаты, ни сами естествоведы вплоть до сего дня даже близко не представили нам продуманного объяснения ее сущности, а также ее подлинных причин и целей. До сего дня это либо замалчивалось, либо говорили об этом с пристрастием. Порой мне кажется, что война как-то связана с глубоким и незримым корнем нашей жизни на земле, а потому, вероятно, лишь религия могла бы сказать об этом какое-то веское слово.

Наступила тишина. Но внезапно генерал поставил такой вопрос:

– В самом деле, господа, кто когда-либо из белых людей

написал некий знаменитый труд о войне?

– Ницше и немецкие генералы перед (первой. – *Перміро*-вой войной, – раздался чей-то голос.

– Макиавелли! – ответил г-н Юстон с неприкрытой усмешкой. – Это – европейский философ войны.

– Анти-философ! – громко возразил кто-то. – Слепец, указывавший дорогу таким же слепцам.

– Я полагаю, что Макиавелли представляет собой квинт-эссенцию европейского поврежденного разума, – дополнил сам себя Юстон.

Все присутствующие выразили свое единодушное осуждение учения Макиавелли.

Засим генерал Кларк обернется к моему самому близкому другу-балканцу и спросит, существует ли где-то во всемірній литературе какое-либо другое и лучшее истолкование мистерии войны, чем дал его, скажем, Макиавелли.

Балканец ответил так:

– Да ведь есть библейское объяснение, всецело противоположное мнению Макиавелли.

Генерал пронзил его испытующим взглядом, а затем погрузился в глубокое молчание. В тот вечер не захотел он больше ни слова молвить о войне. Лишь молча размышлял, точно силился вернуться к памяти о том, что когда-то давно было заучено, а потом забыто.

На следующий день генерал Кларк пригласил меня и моего балканского друга на лодочную прогулку вдоль морского

побережья, на котором стояла красивая вилла г-на Крена. С нами на судне было еще несколько высоких гостей сего господина, которых генерал самолично отобрал и позвал. Как только уселись мы в лодке, генерал попросил балканца изложить учение о войне, какое ему известно и какое представляется ему единственно верным и истинным.

И все нижеследующее написано на основе того, о чем велась беседа тогда, на лодочной прогулке по Бостонскому заливу в водах Атлантики в августе 1927 года.

I

Вооружение

«Все народы Европы и Америки, мой генерал, – начал свою речь балканец, – с максимальной поспешностью, судорожно вооружаются [готовясь] к новой войне. Кто этого не видит? И для пастуха в горах это не секрет, – что уж тогда говорить о людях, живущих в городах и наблюдающих за делами человеческими. В погоне за вооружением из народов Азии сейчас в ногу с Европой и Америкой идут два-три государства, в частности: Япония, Турция и отчасти Персия и Афганистан. Необъятный Китай сводит счеты сам с собой, проводя кровопролитные военные испытания (*букв.: учения. – Пер.*) на собственных детях и тем самым – даже не осознавая [этого] – готовит их к резне и истреблению чужих детей. Впрочем, [тот], кто отяготил свою совесть виной за прошлую мировую войну, взвалит на себя бремя ответственности и за войну грядущую. [А] это народы белой расы, нации, именуемые христианскими. В подготовке к новой войне, или к новым войнам, они первенствуют над всеми остальными народами и племенами на земном шаре. О том же, что мир стоит перед новой войной, свидетельствуют такие факты:

1) явные и тайные военные приготовления всех упомяну-

тых наций;

2) военные бюджеты, во всех государствах несопоставимо превосходящие расходы любого другого назначения и далеко превышающие военные бюджеты накануне прошлой Мировой войны;

3) повышенная интенсивность труда на бесчисленных заводах, выпускающих военную технику, боеприпасы, боевые отравляющие вещества, электрические и электромагнитные боевые устройства и приспособления, а также увеличение объема производства и числа занятых на этих предприятиях;

4) ускоренная постройка военных кораблей и других средств морского базирования;

5) увеличение общей численности строевых солдат и кадровых офицеров по сравнению с довоенным периодом (то есть перед первой мировой войной. – *Пер.*);

6) создание некоторыми правительствами ученых комитетов, в задачу которых входит предельная концентрация умственного потенциала нации в целях дальнейшего создания или усовершенствования боевых отравляющих веществ и других химических средств ведения войны на суше, на воде, под водой и в воздухе⁴;

7) сепаратные союзы и блоки отдельных государств и наций, заключаемые в военных целях;

⁴ Несмотря на то, что в 1925 году был подписан Женевский протокол, то есть многостороннее соглашение о запрещении применения на войне удушливых и ядовитых газов, а также бактериологического оружия. – *Примеч. пер.*

8) весьма разветвленные шпионские сети, с помощью которых одни государства раскрывают военные планы и крадут секретные изобретения военного характера, принадлежащие другим нациям.

Таковы доказательства. А есть и явные признаки, предвещающие новую войну, среди которых: рост недоверия одного государства к другому, расовая и национальная ненависть, а особенно – всеобщие мрачные предчувствия и тревога умов на всех пяти континентах.

Некий доброжелатель может возразить: «Все это так. И все мы это видим. Однако все эти приготовления к войне могут и не привести к ее разжиганию – здесь нет неотвратимости. Ведь наряду с подготовкой к войне крепнут и мирные инициативы». (Прошло целых тридцать лет с того времени, как была сделана первая попытка сокращения арсеналов и установления мира во всем мире. По почину Всероссийского Императора Николая II, в 1899 году в Гааге была созвана Первая мирная конференция. Она была открыта следующими словами благородного Царя: «Мы ищем самый деятельный способ к тому, чтобы всем народам уготовить благодать подлинного и долговечного мира, а сверх всего – положить конец постоянному совершенствованию современного оружия». Представители наций подписали протокол Гаагской Конференции и разъехались по домам, чтобы продолжить свою работу – вооружение! Вторая Гаагская конференция состоялась в 1907 году. Снова был подписан

протокол, и снова всё вернулось на круги своя. После (первой. – *Пер.*) Мировой войны были учреждены Лига наций и Межпарламентский союз⁵: протоколы подписываются из года в год, но прежняя гонка вооружений идет все более ускоренными темпами. В 1921 году была созвана Вашингтонская конференция по ограничению запасов оружия. Все прошло по регламенту, был подписан и заключительный акт, однако нации не свернули с прежнего пути. Затем президент [США] Кулидж созвал в Женеве конференцию трех морских держав – опять-таки с целью обуздания гонки вооружений. Наконец пришло время и пакта Келлога-Бриана⁶, подписанного большим числом государств, которые «отказывались от войны как средства национальной политики». Но и после того как все было высказано и подписано, ни один военный завод не сменил своего профиля, ни один крейсер не был переоборудован в торговое судно и ни один полк не был расформирован – не произошло этого нигде на планете. С даты Первой Гаагской конференции и до наших дней имели место многие войны, как то: Англо-бурская, Русско-японская, две Балкан-

⁵ Формально, Межпарламентский союз был создан еще в 1889 году. Его задачей было поощрение непосредственных контактов между парламентариями с целью укрепления мира на земле. После первой хп'ровой войны деятельность данного Союза заметно активизировалась, но, увы, новую мировую войну парламентарии предотвратить не смогли. – *Примеч. пер.*

⁶ Эта вставка (текст в круглых скобках), по всей видимости, была сделана свт. Николаем позднее, так как в ней он упоминает пакт Келлога-Бриана, заключенный 27 августа 1928 года в Париже, тогда как беседа во время лодочной прогулки имела место на год раньше. – *Примеч. пер.*

ские, (первая. — *Пер.*) мировая, грекотурецкая и множество других военных конфликтов на всем земном шаре. После подобного тридцатилетнего опыта даже самому радужному оптимисту как не выслушивать с болью, печалью и недоверием все разглагольствования о разоружении и мире!)

[«Крепнут» эти «мирные инициативы»,] шествуя за [военными приготовлениями], словно дитя за великаном; шагая, словно воловья упряжка за огненной колесницей. Если персонифицировать войну и мир, то первая должна была бы сказать второму: «Мне надлежит умяляться, а тебе расти» (ср.: Ин. 3,30). Вопреки сему, война — по всей видимости — говорит миру: «Прячь меня, дитя, за своими пактами и конференциями — беги по улицам и кричи, что меня вообще нет и не будет!» Даже сама красноречивая пропаганда мира многим служит к осуществлению военных целей. Таким образом, в наши дни еще раз сбывается слово пророка: *Говорят: «мир, мир!», а мира нет* (Иер. 8, И).

О мире ныне твердят так много не потому, что он налицо, а потому, что он в опасности. Ведь и о честности не бросают лишних слов и о здоровье не сетуют, пока то и другое есть и множится. Неужто Вы как военный не замечаете, что многие речи о мире служат лишь прикрытием стратегии милитаризма? *Говорят: «мир, мир!», а мира нет!*

И действительно, генерал, не было у нас мира после окончания Мтровой войны. Если у кого он и был, так это скорее у папуасов и бушменов, чем у белых людей. На самом деле,

царило лишь перемирие, а не мир. [Ибо] жили мы и живем в условиях спешной подготовки к новой войне.

Это – все равно что перемирие на фронте. С тех пор, как Германия запросила его в 1918 году, и доселе – мы, по сути дела, жили лишь в режиме перемирия. С того времени и по сей день основные расходы государств, неусыпные заботы политиков и генералов, а также главные страхи и тревоги народов связаны с новой войной – точно так же, как при перемирии в ходе военных действий.

Из всего этого следуют ясные уроки:

1) мировая война, начавшаяся в 1914 году, не видится еще законченной;

2) со времен Мировой войны и далее идея новой войны всевластно доминирует в психологическом настрое и материальных усилиях народов и государств;

3) все разговоры о мире и благие намерения [о его упрощении] затмеваются [реальными] фактами [, свидетельствующими] о вооружении всей планеты;

4) мир с точки зрения финансов, то есть расходов на оборону, уже находится в состоянии войны.

II

Какой будет грядущая война?

Нужно ли мне описывать это Вам, генерал? Ни явь, ни грезы, ни мечта добропорядочных и разумных людей не способны даже приблизительно вообразить себе ужасные картины предстоящей войны, навстречу которой шагает род человеческий.

Это будет война, всецело лишенная милости, благородства и рыцарства. Война по неписаным правилам между израильтянами и филистимлянами, когда два войска наблюдают за поединком своих представителей, Давида и Голиафа, ожидая от исхода этого противоборства свою победу или поражение, – не более чем буколическая идиллия на фоне войны грядущей. Такая же идиллия и война Арджуны с Бхишмой, описанная в «Махабхарате», и битва на Косовом поле между сербами и турками, и даже поход Наполеона на Москву. Да что я говорю! Ведь все войны на свете, в которых хоть как-то мерцали лучи милосердия, благородства и великодушия, все ратные дела, способные влить вдохновение пусть даже в одного талантливоего поэта и родить хоть один героический эпос, – все они не более чем рыцарские турниры на лоне природы, по сравнению с войной, которая еще только назревает в мире сем. Ведь целью надвигающейся войны

будет не просто победа над противником, но и полное его истребление. Тотальное уничтожение не только участников боевых действий, но и всего их тыла, их родителей, детей, больных, раненых, военнопленных, а также их сел и городов, скота и запасов зерна, железных и грунтовых дорог! [Это будет] пламя, которое не рассуждает и не делает различий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.